

10.06.2011, пятница

Майкл Ванной Адамс

Мифологическое бессознательное. Сон русско-американской женщины в Нью-Йорке (лекция)

Сон (около 3-х лет назад): «Мой муж и я в Москве. Он в машине, я иду пешком. Я не иду за ним: он поворачивает налево, я – направо. Вижу здание со скульптурами на крыше – лошади и другие мифологические персонажи. Само здание советские, хрущовка. Но скульптуры так прекрасны, что не могли быть сделаны людьми. Они буквально взорвали мне мозг! Я хочу рассказать об этом мужу – он тогда поймёт меня. Нет, он никогда меня не поймёт!».

Это мифологическое сновидение. В 4 тэвистокской лекции Юнг сказал об интерпретации мифологического сновидения, при каких условиях человеку снятся мифологические сны: они больше снятся тем, кто находится ближе к первичной психике (это Большие сны против обычных у примитивных народов).

Адамс сомневается, что современным людям мифологические сны снятся реже: на них просто меньше обращается внимания.

Интерпретация юнгианская-хиллманианская: образы содержат всё, что им нужно. Надо придерживаться самого образа как можно ближе.

Фрейд не мог ответить на вопрос, чего хочет женщина. Сейчас ответ: она хочет быть понятой. Мужчине сложно понять женщину, как и наоборот.

Этот сон завершается мыслью сновидицы, что, если она расскажет о том, что видела, он её поймёт. Но тут же: «он никогда меня не поймёт».

То, что муж никогда не понял бы – это статуи из белого мрамора: лошади с колесницей, другие мифологические персонажи, и чувство благоговения.

В советской России были статуи, но они были пропагандистскими (как рабочий и крестьянка). Образы мифов не умерли – они живы в бессознательном современных мужчин и женщин. Это сновидение – архетипическое путешествие. Это метафора того, что мы проживаем. Это архетипическое сновидение. Клиентка была в процессе развода – в сновидении идёт другим путём, не за мужем, и видит в городском парке древнегреческие статуи. Юнг пишет: так посреди текущей жизни внезапно нас останавливает что-то непреходящее, вечное.

Это мифологическое бессознательное. Это внутренняя реальность. Бессознательное обладает своей реальностью. Греция возвращается к сновидице – это внутренняя Греция, внутренний ландшафт и порядок.

Фрейд подчёркивал подавление сексуальности. Здесь возвращается подавленное воображение, «внутренняя Греция». Реальность подавляет воображаемое, сводя его образность к воображению-нереальности и признавая только конкретность материальной действительности. Сновидица отмечает, что греческие статуи противоположны социалистическим зданиям. Соцреализм претендует на изображение реальности как таковой и какой она и должна быть. Он включает в себя и идеализм в виде утопического будущего коммунизма.

Когда Греция вернулась в коллективное сознание XVIII века, образы лошадей, везущих колесницу, стали появляться в искусстве и архитектуре. Сновидица соотносит хрущовку с мрачным и подавляющим зданием. Это соцреализм как социальный функционализм (архитектурная депрессия): строгая утилитарность и функциональность. Лошади, по Юнгу – психическая энергия (энергия измеряется в лошадиных силах), это квант психической энергии, доступный для использования. Колесницы в мифах везут богов, но во сне они были сами по себе. В этом сновидении лошади появляются, чтобы зарядить энергией эго сновидицы. Эти образы «взрывают ей мозг» (это её выражение): взрыв как экспансия бессознательного, разрушающая текущее эго.

«Воображение – чистая возможность» (Кейси), то, что должно быть вместо того, что есть. Эта сцена сравнивает верх с низом – это комбинация возможного с невозможным (хрущовка со скульптурами).

Мифология появилась тогда, когда человек не мог совладать с естественными природными процессами – и создал силы сверхъестественные, которые управляли естественными природными процессами (по Марксу). Современные технологии соревнуются с греческими богами в своих возможностях – невозможное становится возможным. Мифология исчезает, когда человек обретает власть над природой – природа демифологизируется (по Марксу). В этом смысле технология замещает мифологию, которая становится ненужной, немодной.

Греческое искусство включает в себя мифологию как обязательное условие своего существования. В сновидении царство стекла и бетона не уничтожает мифологию, хотя и требует от художников быть вне мифологии, то есть работать без воображения. Хрущёвкиотрицают мифологию, как анахронизм, – то, что Юнг называет архетипическим уровнем. Ленин рассуждал, может ли марксист мечтать. Мечты могут уводить от реальности, а могут дать планы – если эти мечты поддерживают трудящихся и если человек усердно работает над воплощением своей мечты в жизнь. То есть воображение, мечты, сновидения должны стоять на службе движения трудящихся мечтать можно только о том, что должно быть (служение неизбежности). Следовательно, нужно устранение любой активности, которая может повредить абсолютной власти верхушки государства. В 20-х годах успешно подавлен психоанализ, призванный пробудить бессознательное, то есть воображение, а это – личная, а не общественная деятельность.

Не бессознательное не осознаёт, а эго не осознаёт то, что постоянно пробуждает бессознательное!

Подавление воображение равносильно подавлению бессознательного, но это бесполезная деятельность, так как компенсаторная функция бессознательного тогда усилится. Образы появляются спонтанно, и эго, если оно не тревожно и не защищается, то воспринимает их. Это участие эго в разговоре с бессознательным. Сны и мечты – не то, что должно быть, а то, что могло бы быть.

Образы из бессознательного подрывают (разрушают снизу) эго – и основы тоталитарного государства. Бессознательное на самом деле не подавляемое, и его невозможно запугать.

Греция была политеистична, а СССР монотеистичен (официально атеистичен). И хотя сновидица уже живёт не в России, а в США, её образы греческие – они отражают не свободу прав в Америке, а её внутреннюю реальность. Сновидение – доступ к ним, дающее энергию потенциальным образам, усвоенным в школе по греческой мифологии.

На объективном уровне муж – внешний реальный муж. На субъективном уровне – это анимус. Это сон сепарации-индивидуации. Эго должно отдалиться от неэмпатичного мужа и найти свой путь. Работа сновидицы в Нью-Йорке – это реализм, не связанный с искусством. После работы она писала стихи – это и есть поиск своего пути, контакт с воображением. Сивший в сновидении телефон, вспыхнувший красным светом, – у эго недостаточно энергии, чтобы общаться с неэмпатичным анимусом. Низкая энергия батарейки сравнивается с высокой энергией образа лошадей: энергии бессознательного достаточно, чтобы воплотить себя на другом пути. Сновидица – творческая личность, которая становится невротиком, когда надо творить, а она этого не делает (по фон Франц). Творческие личности боятся проходить психоанализ, так как боятся разрушить свою креативность. Креативность – это всеобщее качество, по-разному проявляющееся в жизни. Архетипические сны – Большие сны. Этот сон благословляет артистические потенциалы сновидицы.

Генри Абрамович.

«Возьми сына своего: Психодинамическая интерпретация Акеды – Жертвоприношения (связывания) Исаака (Книга Бытия, 22)»

(Лекция, текст лекции взят с сайта МААП, Перевод: Павликова Н.А.)

Тема моей лекции психодинамика конфликта между отцом и сыном, написанная под влиянием ужасной истории жертвоприношения Исаака, изложенной в Книге Бытия 22:1-19, известной на иврите под названием «акеда», и это то, как я буду называть это. Когда впервые размышляешь об акеде, она кажется действием сумасшедшего: психотической, психопатической, сенексной личности, страдающей от приказывающих, предписывающих галлюцинаций, захваченной инфляцированным/грандиозным «Комплексом Бога». Это кошмарный сон, как нож, приставленный к вашему горлу, ужасное, религиозное искажение, перверсия, и в то же время еврейская, христианская и мусульманская традиции объявляют это высочайшим моментом веры, в результате чего Авраам и все его потомки, включая всех нас в этом зале, благословятся (22:18 И благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа моего) (Книга Бытия).

Авраам наиболее часто понимается как Рыцарь Веры и Принц Послушания. Бог Отец говорит Аврааму, убить того, кого он любит, и он подчиняется в страхе и трепете. Высшая Власть требует смирения и послушания, или, в юнгианской терминологии, всемогущий диктат Самости над подавленным (сломленным), подчиненным Эго. Многие трактовки акеды от Кьеркегора до Боба Дилана основаны на этой точке зрения, хорошо показанной в первых строках ранней песни Дилана, Хайвэй 61:

Господь сказал Аврааму, «Убей для меня сына»

Аве говорит, «Слушай, ты верно шутишь со мной»

Бог говорит, «Нет», Аве говорит, «Что?»

Бог говорит, «Ты можешь делать, что захочешь, Аве, но

В следующий раз, когда ты увидишь, что я иду, лучше беги»

Ну, Аве говорит, «Где бы ты хотел, чтобы произошло это убийство?»

Бог говорит, «На 61 Хайвэе»

Но у этой трактовки есть серьезный недостаток. Она основана на неправильном переводе Библии с иврита. Во многих переводах Господь говорит Аврааму, «Возьми своего сына...», Но на иврите это звучит, «ках на». «Возьми» бы включало только «ках», и для чего же тогда там «на»? «на» это непереводаемый термин, указывающий на вежливую форму запроса, что можно было бы перевести как «Пожалуйста, возьми» или «Не взял бы ты», но уж точно НЕ приказание.

В Книге Бытия помимо этого есть еще 25 примеров «на». Каждый из которых является запросом, часто необычным запросом, наподобие того, когда Аврам просит свою жену притвориться его сестрой, или когда Господь просит Авраама посмотреть в небо и сосчитать звезды. Какой бы ни была акеда, она не о том, что Авраам одержим комплексом авторитарного великого отца, требующим подчинения, смирения. Вместо этого Авраама просят сделать выбор. Выбрать между двумя вещами, которые он любит больше всего на свете.

Я хочу уточнить, что я говорю о «Бог» не сточки зрения теологии (евреи стремятся избегать теологию, называя Божественное: «Место», «Имя», «Бог (Святой)»), а следуя Юнгу, рассматривая Бога в Библии как символ Самости и символ развивающегося образа Бога у Авраама.

Я убежденный иудей, но когда я читаю акеду, я бы хотел бы быть христианином. Потому что для верующего христианина «жертвоприношения Исаака» (то, как христиане называют акеду) имеет смысл. Это яснейшая pre-figuration жертвоприношения Сыном другим Отцом; как Исаак, Иисус единственный любимый сын Своего Отца; как Исаак, Иисус путешествует, чтобы обрести свою веру в Иерусалиме; как Исаак, Иисус несет в гору на своей спине дерево; как Исаак, Иисус задает один roignant вопрос своему Отцу, цитируя Псалом 2:1: «Отец, отец, почему ты бросил/оставил меня?» (Матвей 27:46; Марк 15:34). Есть одно отличие. Исаак спасен в самую последнюю минуту, в то время как Иисус, архетипически брошенный сын, умирает в одиночестве на кресте. Иисус, человек Любви, сталкивается с танатосом; в то время

как Исаак возвращается от переживания близкой смерти с рожденным вновь Эросом. Для Иисуса смерть это прелюдия для воскрешения, для Исаака это начало его инициации.

Еще один подход в поиске смысла акеды лежит в использовании мифологии. Мифологическое видение рассматривало бы действие Авраама как пример «комплекса Лая». Лай, как вы все помните, был отцом Эдипа. Лай услышал прорицание, что его собственному сыну уготовано убить его. Когда рождается ребенок, Лай требует, чтобы угрожающий младенец был убит. Детская озабоченность Эдипа инцестом и убийством вытекает из родительского желания убить своего собственного ребенка.

Комплекс Лая, архетипический аспект Негативного Великого Отца, можно найти в других греческих мифах, таких как Кронос, который пожирал своих собственных детей; или в Книге Exodus, Фараон требовал смерти всех еврейских новорожденных мальчиков; и Новом Завете massacre младенцев Ирода. (Матвей 2:16-18). Это поступки диктатора, который хочет побороть время, стать божественным и жить вечно; они self-absorbed, нарциссы, ничего не знающие о generosity и generosity. Позволить своему сыну жить, значит принять, что однажды ты умрешь, и он продолжит за тебя. Это скрытое связующее звено между сексом и смертью. Первая задача сына – пережить смертельную зависть своего отца.

На коллективном уровне, комплекс Лая в акеде выражает силу борьбы между поколениями. Старшее поколение отыгрывает убийственную зависть к vitality и молодости младшего поколения. Часто политические революционеры развивают комплекс Лая, как только они оказываются у власти. Они часто видят младших товарищей как потенциальных соперников, или opportunists без достаточного идеологического fervor и превращаются в стареющих Сенексов, никогда не сдающих своих позиций, рисунок, который мы наиболее явно можем видеть на Кубе, где средний возраст руководителей 80 лет, но также и во многих других, некогда революционных странах и психоаналитических институтах. Как Авраам, старики буквально или метафорически жертвуют молодыми. Но это только часть истории.

Сейчас давайте поближе приглядимся к Тексту. Традиционно, Иудеи верят, что путь к Божественному лежит через изучение и исследование Его текстов. Задавание (постановка) сложных вопросов и не принятие вещей такими, как они выглядят всегда было Иудейской заботой. Первый публичный (общественный) поступок иудейского ребенка - задать вопрос во время Passover seder. Лучший ученик не тот, кто может ответить на вопрос, а тот, кто может задать лучший вопрос. Шутка: «Почему еврей всегда отвечает вопросом на вопрос?» Ответ: «Почему нет?» Иногда в анализе также, лучшая intervention не интерпретация, а неожиданный вопрос, открывающий новую территорию.

Я буду ссылаться на оригинал на иврите через новый английский перевод, который, я уверен, дает лучшее чувство оригинала, который будет прочтен на русском:

Текст Книги Бытия 22:1-19

22:1 И было, после сих происшествий Бог искушал Авраама и сказал ему: Авраам! Он сказал: вот я.

22:2 Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа и там принеси его во всеожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе.

22:3 Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколот дров для всеожжения, и встав пошел на место, о котором сказал ему Бог.

22:4 На третий день Авраам возвел очи свои, и увидел то место издалека.

22:5 И сказал Авраам отрокам своим: останьтесь вы здесь с ослом, а я и сын пойдем туда и поклонимся, и возвратимся к вам.

22:6 И взял Авраам дрова для всеожжения, и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе.

22:7 И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всеожжения?

22:8 Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всеожжения, сын мой. И шли далее оба вместе.

22:9 И пришли на место, о котором сказал ему Бог; и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров.

22:10 И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего.

22:11 Но Ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал: Авраам! Авраам! Он сказал: вот я.

22:12 Ангел сказал: не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня.

22:13 И возвел Авраам очи свои и увидел: и вот, позади овен, запутавшийся в чаще рогами своими. Авраам пошел, взял овна и принес его во всеожжение вместо [Исаака], сына своего.

22:14 И нарек Авраам имя месту тому: Иегова-ире*. Посему и ныне говорится: на горе Иеговы усмотрится. // *Господь усмотрит.

22:15 И вторично воззвал к Аврааму Ангел Господень с неба

22:16 и сказал: Мною клянусь, говорит Господь, что, так как ты сделал сие дело, и не пожалел сына твоего, единственного твоего, [для Меня,]

22:17 то Я благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твое городами врагов своих;

22:18 и благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего.

22:19 И возвратился Авраам к отрокам своим, и встали и пошли вместе в Вирсавию; и жил Авраам в Вирсавии.

Как вы видите, история акеды расположена внутри «рамки», известной из Книги Иова: «И было, после сих происшествий Бог искушал Авраама». Первая фраза: «И было после сих происшествий» подразумевает, что мы должны рассматривать акеду не как изолированный насильственный акт по отношению к ребенку, как назвала это Алис Миллер, автор «Драмы Одаренного Ребенка», но как последовательность развития; каждый раз, когда эта фраза появляется в Писании, она отсылает к предшествующим событиям особенно в предыдущей главе (cf. Ch 15). В предыдущей главе 21 Авраам достигает a pinnacle of отцовства, статуса и успеха. Рождается чудесный ребенок Исаак, чье имя означает «Смех/Смеяться». Местный Царь приходит, чтобы make a treaty of вечной дружбы, говоря, «Господь с тобой во всех вещах», Авраам призывает «имя Бога, вечного Господа» (на Иврите: el olam). Эти происшествия описывают то, что мой учитель Дэн Левинсон в своей работе *Времена Года Человеческой Жизни (Season's of a Man's Life)* назвал «стабильным периодом» консолидации и зрелых достижений, отличных от периодов turmoil и переходов, таких как кризис середины жизни. Есть одно травматическое происшествие, которое выводит акеду на сцену и оно связано с его отношением к egotortured отношению к первому рожденному сыну, Измаилу, чье имя означает «Господь услышит/слышит».

Вскоре после того, как Исаак is weaned, жена Авраама, Сара, требует, чтобы Авраам выгнал их приемного перворожденного сына, рожденного для Авраама от служанки-surrogate. В тексте ясно говорится: «И показалось это Аврааму весьма неприятным ради сына его». (Книга Бытия, 21:11)

Авраам отправляет Измаила и его мать в пустыню всего лишь с небольшим количеством воды и хлеба, почти на верную смерть. Почему Авраам, обладающий exquisite моральными sensibilities, делает то, что он знает, неправильно? Так вот, он делает это, потому что Господь говорит ему об этом. Божественное подтверждение suggests, что это духовный поступок и сознательная жертва. Язык откровения указывает на мощную потребность чтить фемининное: «Следуй за Сарой во всем, что она говорит!» (21:12). Раввинская традиция почитала Сару большим prophet, чем самого Авраама. В терминах динамических отношений между отцом и сыном, у судьбы Измаила и Исаака есть upspanу отголоски. Авраам отправляет каждого из сыновей на самую горькую участь. В обоих случаях, он выходит ранним утром – ведя многих к тому, чтобы предположить присутствие Бога во сне – или что сама акеда в целом это сон; как и Исаак, Измаил бы умер, за исключением вторжения ангела/посланника. Жертвование Измаилом prefigures и parallels акеде. В некотором смысле это первая акеда!

Сарин комплекс власти привел бы мать и сына к развитию излишней близости или даже патологическому материнскому симбиозу. Разрушение подобного симбиоза не так-то легко. Юнг отмечал, что страх отца может вывести мальчика из его идентификации с его матерью, или же это может заставить его еще больше цепляться, приводя к невротической ситуации. Внутренний Голос Авраама мог вполне понять потребность драматически severe эту

регрессивную связь между матерью и сыном. Захватывающая часть кросс-культурального исследования в Африке обнаружила, что чем больше материнский симбиоз, e.g. как измеряемый условиями совместного сна матери и сына, тем более brutальными становились ритуалы маскулинной инициации. С этой точки зрения, акеда была таким же травматическим мужским обрядом, сепарирующим Исаака от его матери и материнского.

Следующая фраза, «Бог искушал Авраама», создает напряжение между читателем и Авраамом. Мы знаем, что это искушение, даже если Авраам не знает об этом. В результате читатель представлен как *complicit* наблюдатель разыгрывающейся божественной психодрамы.

Когда Бог говорит Аврааму взять своего сына и «там принеси его во всеожжение на одной из гор» (22:1) – Как поступает Авраам в ответ на это? Протестует ли он и восстает против этой ужасной несправедливости? Нет, он остается безмолвен. Далее, у безмолвия есть много голосов, и мы знаем из нашей клинической работы, что жизненно важно понимать молчание пациента. Это молчание согласия или молчание неповиновения? Или ...

Чтобы помочь понять молчание Авраама, я хочу разобрать предшествующее столкновение с его Голосом. С самого начала мы можем видеть развивающиеся близость и диалог, достигающие своего пика в главе 18. Авраам узнает от Бога, что Он собирается разрушить грешные города Содом и Гоморру. Авраам отвечает:

23 И подошел Авраам и сказал:

неужели Ты погубишь праведного с нечестивым
[и с праведником будет то же, что с нечестивым]?

24 может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников?

неужели Ты погубишь, и не пощадишь [всего] места сего
ради пятидесяти праведников, [если они находятся] в нем?

25 не может быть, чтобы Ты поступил так,
чтобы Ты погубил праведного с нечестивым,
чтобы то же было с праведником, что с нечестивым;
не может быть от Тебя!

Судия всей земли поступит ли неправосудно?

(Книга Бытия 18:23-25)

В этом динамическом столкновении между эго и Самостью, можно увидеть суть духовной революции Авраама: отношение человечества с Божественным основывается не на слепом подчинении Высшего Авторитета, как в религиях того времени и эпической поэмы ЭнумаЭлиш, на истинном диалоге. В то время как человек должен знать свое место – Авраам говорит, «Я прах и пепел» (Книга Бытия, 18:28) – бывают времена, когда он может, и на самом деле должен, спорить с Богом. Спор с Богом (и со всеми остальными) имеет долгую традицию в Иудейской культуре, и это начинается здесь, с Авраама, как и спасающая сила просто, как 36 праведников, «*lamedvavnik*», безызвестно поддерживают существование мира.

Наиболее пронзительна роль Авраама как первоначального, архетипического активиста за права человека, требующего, чтобы Сам Господь стал *subject* для Его собственных законов: «Судия всей земли поступит ли неправосудно?» (Книга Бытия, 18:25). Никто, даже Бог, не выше вселенских принципов справедливости и равенства перед законом. Конечно, Авраама необходимо рассматривать как святой покровитель всех тех, кто требует справедливости перед лицом тирании.

Когда Авраам прекратил договариваться, он, должно быть, был уверен, что имелось 10 порядочных человек в Городе и он спас Содом; на следующий день, смотря вниз на «дым, как дым из печи» (Книга Бытия, 19:28), Авраам наблюдая, видя, понимая, что он был наивен относительно проницаемости и действительности человеческого зла. Это противостояние коллективной Тени было необходимым моментом разочарования. Рассматривая всеожжение издали, видя дым, поднимающийся оттуда, где он стоял перед Богом, - это один из величайших моментов тишины в Писании.

В отличие от жены Лота, превратившейся в соляной столб, символически замороженной в процессе ПТСР, слишком рано обернувшейся назад на место травмы, Авраам превратился в этического наблюдателя с напряженной миссией оставшегося в живых [как его племянницы]. Авраам бы почувствовал, что он избежал участи Содома не случайно. (С теневой стороны коллективная память всеожжения Содома несла скрытую угрозу его потомкам. Если мы не

следуем миссии их выживших Отцов, тогда Содом стал бы их судьбой: «за что Господь так поступил с сею землею? какая великая ярость гнева Его!» И народы скажут, «за то, что они оставили завет Господа Бога отцов своих» (Деяния 29:21-25)).

Способность Авраама ставить несправедливость под вопрос, делает его безмолвие перед несправедливостью акеды еще более резким. Я убежден, учитывая происшедшее с Содомом и с Измаилом, Авраам понимал, что акеда это было нечто, через что он должен был пройти – даже если он не знал, чем это закончится.

Вернувшись к тексту, вы заметите там два слова, трижды повторяющиеся в короткой строке 19 текста. Первое это: «Heneini» «Вот я», однокоренное с «вот», и второе это: «yachadav», «вместе», однокоренное с «один, единство «ehad».

Когда Господь впервые называет Авраама по имени, «Авраам, Авраам» он отвечает, «Heneini» «Вот я». Когда Исаак называет его «Отец», чтобы задать свой вопрос, он также отвечает, «heneini». Третье и последнее «heneini» звучит в кульминационный момент, когда ангел-посланник призывает Авраама не причинять зла своему сыну.

Ответ Авраама, «Heneini» станет стандартным ответом на Божественный призыв для Моисея, Самуила, Иеремии и прочих; он означает готовность услышать и состояние полной включенности, и может также хорошо быть переведенным как «Готов». Heneini, «Вот я. Готов!», это экзистенциальная установка (отношение), необходимая для того, чтобы быть отзывчивым, полностью присутствующим, чтобы слушать Голос, призыв, наших детей и наших родителей.

«Вместе» также появляется трижды: когда отец и сын покидают слуг и уходят вместе; снова после ответа Авраама на вопрос Исаака; и наконец, когда Авраам возвращается с сыновьями, но без Исаака, чтобы вместе идти в Вирсавию. Можно подумать, что акеда относится к brutальной сепарации, но лежащая в основе тема – это симфония единения, разного рода сплоченности. Мидраш (раздел устной Торы) в традиционной форме объясняет, что второй «yachav» представляет собой понимание Исааком того, что он есть тот, кого надо принести в жертву и принимает свою участь и идет вместе со своим отцом. Сходным образом, я убежден, как мы увидим, Авраам также возвращается к своим сыновьям с легким сердцем.

Вместе эти два слова представляют суть послания Авраама к своему сыну и в некотором смысле к нам. Первое, это необходимость быть Готовым отреагировать. Второе, это фундаментальная важность единения, сплоченности, со-общества, быть частью чего-то большего и в то же время быть верным своей Самости. Это смертельный номер, и легко свалиться.

Но необходимо задать вопрос:

Почему Богу надо искушать Авраама? И что искушается?

Чтобы понять природу искушения, я должен вернуться к «психологии революционеров». Обычно семейная жизнь основывается на родственной преемственности, непрерывной связи между родителем и детьми, которые в свою очередь становятся родителями для следующего поколения. Верно, детям надо символически дистанцироваться от своих родителей и их ценностей, чтобы начать свой собственный путь к индивидуации, даже символически убить их, но обычно после подросткового возраста происходит возобновление отношений. Как сказал один юноша, «Поразительно, как мои родители выросли за последние пару лет!»

Революционеры, наоборот, отвергают биологическое родство и вместо этого используют избирательное родство, основанное на спонтанном сообществе близких по духу душ общей миссии и идеологии. Революция основана на драматическом разрыве с прошлым для создания нового порядка, нового рая на земле. Среди товарищей солидарность интенсивна; родственники и друзья, не разделяющие это идеологическое убеждения становятся посторонними людьми, даже чужаками. Это верно для начала Христианства, когда оно все еще было направлением Иудаизма. Когда члены его семьи приехали навестить Иисуса, он ответил:

48. «Кто Мать Моя? и кто братья Мои?»

49. И, указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои;

50. ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать. (Матф., 12:46-50)

(35. ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее.

36. И враги человеку — домашние его.) (Мф, 10:34-6)

Подобное же отвержение семьи имело место и для Сионистских Социалистов, основавших уравниательные (эгалитарные) Киббуци в Израиле, или Большевики, совершившие революцию в 1917. Оказавшись успешным, каждый революционер сталкивается с дилеммой преемственности (непрерывности): как мне передать дух революции последующему поколению?

У революционера основателя, будь то духовного или политического, есть тайное нераскаянное чувство вины, связанным с тем, что он/а бросил своего отца; откуда ему знать, что его «сыновья» не поступят с ним также? Парадоксально, каким образом революционер убедит своих сыновей быть верными традиции, основанной на неверности?

Переход Власти (Преемственность, Последовательность) Революционеров

Антропологи разделяют преемственность (смена сообществ) или формальную непрерывность (преемственность) на два основных вида: генеалогическое наследование по праву рождения и родства, и харизматическое наследование по отбору и выдающейся способности. Преимущество права рождения является гарантированным, заранее определенным подходом. Все знают, кто будет следующим королем, священником или главой семейного бизнеса. Обратная сторона этого в том, что правитель может быть плохо подготовлен для дела. Харизматическая модель это полная противоположность. Новый правитель динамичен и очень дееспособен, но переход может быть сомнительным, даже насильственным, ведущим к гражданской войне. Часто, лучший подход – совмещение лучшего в обеих системах. Моисей, харизматический политический беженец, пришедший к власти, оставил политическое правление своему избранному преемнику Иешуа, одновременно создав наследуемую касту жрецов, находящейся в его собственной семье, начиная с его собственного брата. Каждый Козн, Каган, Кац это священнослужитель потомок брата Моисея, до сих пор играющего важную роль в Иудейском обряде. Аналогично этому, Римская Империя достигла высоты, когда ряд Императоров признали достойных преемников сыновьями, совмещая харизматическую преемственность с фиктивным родством; когда Марк Аврелий назвал своего собственного биологического сына Императором, незамедлительно последовали переворот и закат. Я считаю, что замысел с Авраамом требовал, чтобы преемственность была и биологическая от отца к сыну, и также была по типу харизматического выбора. Это не просто. В Ветхом Завете имеется 28 случаев наследования от отца к сыну и ни одного единственного, неоспоримого случая, где бы отец просто и успешно принимал своего перворожденного сына своим избранным наследником и духовным преемником. Большинство из Библейских отцов, таких как Адам, Яков, Самуил или Давид пережили травматическую утрату в отношении своих сыновей. Таким образом, акеда является частью повсеместно распространенного процесса травматической преемственности и спорного наследования.

Говоря иными словами: Каким образом собственный сын революционера может стать доверенным последователем революционера, способным продолжить новаторский подход? Это суть кризиса Авраама. После всего этого и разворачивается акеда.

Авраам является духовным революционером. Когда Неизвестный Голос, как иногда это случается в анализе, посылает его в неизвестном направлении – это классический призыв революционеру на резкий разрыв с отцовскими границами идентичности на пути к собственной судьбе. Даже фраза на иврите, *lech lecha* переведенная как «покинь» или «иди-ты-дальше» буквально означает «Иди к себе», как будто запуская путешествие по направлению к индивидуации.

Но сначала он должен покинуть богов своего отца. Этот конфликт выражен в хорошо известном Мидраше, своего рода раввинском активном воображении, о ранней жизни Авраама. Отец Авраама создавал и продавал идолов из дерева и камня. Однажды отец оставил юного Авраама в лавке за главного – обряд посвящения. Авраам взял молоток своего отца и принялся бить и крушить все статуи, кроме самой большой, в чьи руки он положил молоток. Когда отец вернулся, он увидел ужасное разрушение и спросил своего сына, что произошло. Авраам спокойно сказал своему отцу, что «боги» начали спорить между собой о том, кто из них самый могущественный, и начали драться, ну и разрушили друг друга, пока не остался только один. Его отец ответил: «Ты что не знаешь, что это они лишь куски дерева и камня?» Юный Авраам ответил: «Если это так, почему ты молишься (поклоняешься) им?»

Есть много толкований этой легенды, но она ясно выводит на первый план тему преемственности и раскола. Авраам, трикстерный бунтарь, противопоставляет своему отцу не напрямую, но тем не менее свергает богов своего отца и разрушает их. Юнг бы одобрил, что юный Авраам напал на своего личного отца не из регрессивного Эдипова комплекса, а только напал на идеологию своего отца, как это было и у Ахнатона по отношению к своему отцу, в еще одном известном обмороке, описанном в «Сновидениях, Воспоминаниях, Размышлениях».

Отец Авраама, Фарра, обладал еще одним скрытым/неосознаваемым влиянием на Авраама и его новый образ Бога, и это имеет отношение к тому, что путешествие Авраама находится в Тени предшествовавшего путешествия его отца. Когда отец Авраама отправился со своей семьей из южного Ирака, его установленной целью был Ханаан. (В Писании говорится: «И взял Фарра Авраама, сына своего, и вышел с ними ... чтобы идти в землю Ханаанскую, но дойдя до Харрана, они остановились там» (Книга Бытия 11:31)). По некоторой неустановленной причине отец Авраама остановился на середине пути через Благодатный Полумесяц, примерно в современном Курдистане. Много лет спустя Авраам отправился в свое путешествие «к земле, которую я тебе покажу». Только когда Авраам прибывает в Ханаан, он узнает, что это его место назначения (конечный пункт). Авраам «бессознательно» завершил неисполненную мечту своего отца. Как говорил Юнг: «Ничто не оказывает такого сильного психологического влияния ... на детей, чем непрожитая жизнь их родителей» и «Личный отец неизбежно воплощает архетип, благодаря чему его фигура наделена такой пленяющей силой». Если мы рассмотрим развитие «образа Бога» Авраама, мы сможем сказать, что на этом этапе он бессознательно возникал из образа его отца. Как писал Юнг, «Патриархи были «мостиком» к Божеству». Авраам освобождается от идеализированного комплекса отца, только когда он меняет свое имя с Авраама, означающего «Мой отец величайший» на Авраам, означающее «Отец Многих Народов», полноправный Великий Отец.

Теперь мы в состоянии понять, как акеда разрешила кризис преемственности революционера, воссоздавая для Исаака его сына, переживание духовного путешествия Авраама и разрешая его сомнения относительно того, был ли Исаак достойным учеником, угодным Богу, а Измаил нет. Связь между духовным путешествием и акедой очевидна даже в переводе. Поэтическая каденция (стихотворный ритм) первого призыва Авраама: «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе» (Книга Бытия 12:1) точно соответствует ритму призыва акеды: «возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойдешь в землю/Мория» (Книга Бытия 22:1). В обоих случаях Аврааму говорится идти в неизвестном направлении. Отправление в неизвестное является центральным в любом духовном поиске или глубинном анализе – если вы знаете, куда вы идете, то вы вероятнее всего держите курс в неправильном направлении; взяв Исаака с двумя отроками получилась мужская кватерность. Авраам буквально забирает Исаака из мира женщин в маскулинный мир. Их путешествие воссоздает более раннее путешествие Авраама через земли Ханаанские, как паломничество к Самости. Позже отец и сын, расстаются с отроками на дальнейшей стадии индивидуации, т.к. Авраам бродил по земле в одиночестве. Наиболее драматично, Авраам воссоздает ситуацию, в которой он подвергается сомнению Высший Авторитет в Содоме – вопрос Исаака ясно показывает, что он выучил обычай бросать вызов авторитету. Креативная реакция Авраама учит его чему-то глубокому в вопросе доверия Процессу: «Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой» (Книга Бытия 22:8). Но больше всего акеда в том, как Авраам представляет Исаака божественному, пророчеству, обетам и трансцендентному; и затем оставляет его, чтобы разобраться со всем самостоятельно в одиночестве, похожем на долгий период чрезвычайного уединения, характерного для великих философов и религиозных новаторов. Акеда – это креативная травма, немного похожая на поиск видений Индейцев Сиу, в котором юный иницируемый выдерживает несколько дней огромную боль – в их обнаженную плоть глубоко воткнуты крюки, привязанные к лошади, пока они не увидят своего духовного проводника в образе животного. Фрейд писал: я не могу думать ни о какой потребности в детстве более сильной, чем потребность в защите отца. Это так, но есть и противоположная потребность, позволить ребенку исследовать самостоятельно, незащищено.

Исаак, предложенный как сын Авраама, возрождается как пророк Бога Авраама. Выбрав Бога, Авраам увидел Бога выбирающим его сына как Его пророка и тем самым ученика Авраама. Смотря вверх, он может воспринять новые возможности, символизируемые бараном, приносимым в жертву на месте Исаака и играющий роль в Иудейском обряде.

В следующий раз мы встречаем Исаака прогуливающимся и размышляющим в поле. Акеда явно разбила его материнский симбиоз и вынудила его непосредственно столкнуться с судьбой и миссией оставшегося в живых, унаследованные им. Он синхронистично встречает свою будущую жену Ребеку, утешавшую его после смерти его матери. Для Исаака это травматическая встреча со смертью превратила его в оставшегося в живых, во многом похожим на Авраама, ушедшего от дымящейся печи Содома, с чувством спасенного, избранного для особой цели. Благословения, адресованные Аврааму, были его первым откровением по продолжению духовной революции своего отца. Исаак на самом деле был связан с Богом Авраама. Акеда, следовательно, была креативной травмой, ритуальным тяжким испытанием и инициацией в отношения с Божественным. Авраам был вынужден выбирать между своим сыном и своей Самостью/Судьбой, теперь Исаак должен обнаружить, что значит быть избранным.

Из конспекта лекции:

Когда внутренняя ситуация не принята сознательно, она обнаруживается снаружи, как неотвратимый рок.

То, что для одного индивидуация, для другого – акеда. Когда фокус смещается на жертву акеды и его переживания, возникает ненависть к Аврааму. Авраам – отец идеи одного бога, которого можно найти везде. Но история акеды – проникновение сакральности в повседневность. Это переживание от потери ключей, паспортов и проч., а потом они находятся!!! Акеда: потеряв всё, ты это возвращаешь.

Анекдот от Г.Абрамовича: 4 доказательства, что Иисус – еврей: 1) до 30 лет жил в родительском доме, 2) он занимался семейным бизнесом, 3) он считал свою мать девственницей, 4) она считала его богом.

Сильвестр Войтковски. Деконструкция монструозного (Лекция)

Показан переход от вопроса «Как убить дракона?» к вопросу «Чего хотят драконы?».

Прямое нападение на героя лишь укрепит его. Лектор придерживается точки зрения дракона, подчёркивая вклад дракона в развитие сознания героя.

Критика эго красноречиво представлена в современной юнгианской литературе. Хотя эго стало сознательным в процессе отделения от бессознательного (борьба с драконом), сейчас встаёт вопрос о его отношении к бессознательному и разотождествлении с архетипом героя. Хотя герой всегда на переднем плане, монстр всегда присутствует на заднем плане.

Графически герой всегда изображается стандартно, но образ монстра более индивидуален, у него есть уникальные черты на каждой картине. Кинематографическое изображение тоже очень живое и яркое (Кинг-Конг, Чужой, «франкенштейн» (то есть существо, созданное учёным Франкенштейном) и другие).

Английское слово «монстр» от латинского «монстро»^[1], происходящего от греческого «монере»: предупреждать, предсказывать. Латинское «монструм», «монитус»: выявляющее, предупреждающее.

Монстр у римлян – необычное, предупреждающее о чём-то божественном, непонятном.

«Монстр» и «ментальный»^[2] имеют один корень, указывающий на происхождение от божественного.

Монстры изображаются огромными, с сочетанием черт разных существ и прожорливыми, людоедами. Огромный рот – хищник, разрушающий, поглощающий, издающий громкие звуки, изрыгающий огонь и дым. Обычно они обитают в диких и тёмных уголках земли, любят пожирать девственниц и молодых людей.

Образы монстров – старейший изобразительный сюжет, начиная с наскального изображения охот. Монстры появляются в старейших мифологиях мира – гибридные существа появляются в Месопотамии и Египте. Самый ранний цивилизованный монстр – сфинкс: тело льва, когти орла, голова человека. Монстры каменного века – мифологические фигуры, свидетельствующие об автономности воображения человека, которая давала невозможные комбинации, а не только реально возможные события.

М.Дуглас считает монстров промежуточными продуктами между тем и этим миром, потому они и пугают. Другой антрополог говорит, что они дают возможность выйти из обыденности. Они помогают в отведении и отреагировании агрессии, как сейчас в фильмах ужасов. В результате апокалиптической конфронтации героя с монстром, угрожающем свету, рождается цивилизация.

В психоанализе монстр – фигура сгущения во сне или фантазии. Фрейд: это бессознательный садизм, заключённый в сексуальности младенца. Воображение здесь патологизируется и помещается в полиморфно-перверзного младенца. Мелани Кляйн персонифицирует и конкретизирует монстров как родителей ребёнка, которых он так и видит в своей параноидно-шизоидной позиции как способ сохранить эго от разрушения.

Перефразируя Винникотта, нет такого существа, как монстр – есть пара монстр-герой: они всегда появляются вместе.

Монстры – никогда не тотально чужие, это наши прямые предки: старое поколение по отношению к новому.

Психика создаёт монстров.

Архетип монстр-герой предоставлял энергию для сознания с самого начала человечества до наших дней. В истоках эго-сознания должна быть способность создания достаточно стабильного состояния сознания, чтобы эго могло победить притяжение бессознательного. С тех пор, как сила эго достигла монструозных пропорций, продолжающееся появление монстров может иметь другой смысл. Этот центральный смысл до сих пор ускользал.

До того, как Хиллман пересмотрел этот образ, Юнг и Нойманн трактовали это как борьба эго с бессознательным в добывании труднодоступного сокровища. В 1912 г. Юнг пишет: герой – позитивное действие бессознательного, а дракон – негативное. Дракон – негативное имаго

матери, табу на инцест, то есть возврат бессознательное. Это движение, которое открыл Юнг, – от инцеста к образу возрождения. Это привело от Эдипа к Ионе и киту.

Драконы – посредники и представители бессознательного. Юнг интерпретировал драконов как материнскую сторону бессознательного. Частные детали его не интересовали, а только значение, которое они играли в психике – регрессивные, поглощающие тенденции бессознательного. Битва с монстром является постоянной, повторяющейся – какой бы успешной ни была борьба, драконы продолжали появляться. То есть всю жизнь этот архетип не даёт бессознательному поглотить сознание.

Юнг лишь немного не дошёл до компульсивного повторения этого процесса, смысл которого и надо разгадать. В описании второй половины жизни он нашёл смысл как возрождения и контакт с самым центром бессознательного – Самостью.

Парадокс – базовый психический феномен. Защиты от него эго-комплекса как центра сознания порождают многочисленные теоретические сложности, например, дать точное определение эго, других комплексов и самости. Такое отсутствие чёткого определения – частая отмазка, чтобы избежать критики юнговской теории.

5 компонентов определения эго в юнгианстве:

- 1) субъективный компонент идентичности (комплекс идентичности),
- 2) эго – центр поля сознания (комплекс сознания),
- 3) эго – центр рассудка (комплекс смысла),
- 4) эго – комплекс воли,
- 5) эго – идентификация с архетипом героя (комплекс героя).

Все эти компоненты выражаются в первом образе эго. Идентичность важна для человека, но исключает характеристики, не вошедшие в неё – при тревоге может стать защитной структурой, не являясь ею изначально.

Эго как центр сознания может дать достаточно объективный взгляд вокруг. Как комплекс смысла позволяет обдумывать опыт, а как комплекс воли даёт свободное либидо для действий.

Совокупность всех компонентов даёт образ героя. Архетипическая психология критикует эго, но оно сильно и в теории, и в практике: мы, юнгианцы, по-прежнему идентифицированы с архетипом героя. В комплексах есть доля сознания, но труднее принять, что само сознание является комплексом.

В героической мифе мир видится сквозь призму героического эго. Различные формы сознания находятся под влиянием разных архетипов и могут вступать в дело в разное время. Свой миф и у развития эго-сознания, которое может быть замутнено тем или иным комплексом.

Комплекс героя входит в само определение сознания, как меч логоса, который очищает хаос материнского мира. Осознавать – значит убивать. Герой, убивающий дракона, до сих пор живёт в западном сознании. Эго идентифицируется с героем, расщепляя образ надвое, – убивая дракона, мы остаёмся без воображения, которое даёт бессознательное: герой должен быть мёртвым, так как у него нет силы воображения (Хиллман), которое он отправил в бессознательное. Единственное спасение лежит в том, чтобы перенести акцент с диады «мать-сын» на диаду «ruer-senex». Логика героя (разделение) снова захватывает и здесь.

Если смотреть изнутри этого мифа, то может появиться ожидание сдвинуть его восприятие. М.Адамс пишет, что этот архетип структурирует и мифологический мотив, и юнгианскую интерпретацию. Процесс интерпретации приводит к разрушению дракона как одного из участников (в том числе идеализацию аналитика).

«Почему все хотят убить дракона?» (М.Адамс). Вместо убийства с драконом надо взаимодействовать. Нападая на эго, современные юнгианцы теперь из него делают дракона, нападая и укрепляя его. Эго не может быть трансформировано на уровне героической критики, так как продвигает его к битве, которая является самым ядром этого архетипа. Убийство дракона – убийство воображения, духа и процесса индивидуации. Оно оставляет героя односторонним солярным героем. Оно словом «монстр» принижает образы, исходящие не от эго.

Монстр – образ тревоги эго и внеэго-происходящий образ. Этот страх изначально мешает точности восприятия этого неэго с его характеристиками. «Образ – не только то, что мы видим,

но и то, посредством чего мы видим» (Хиллман). Изначальная психика – вся монстр, с крошечным светом сознания. Эго – сын монстра: Мардук и Тиамат как его мать. Монстр – *prima material* нашего мира. Монстры необходимы для создания концепций, чтобы думать. Именно благодаря монстрам мы можем включаться в процесс мышления, по ассоциативным цепочкам вторгаясь на непознанную территорию монстров, что может продвинуть границы сознания, или сдаться и перестать думать.

Убийство монстра – продвижение к сознанию за счёт монстра, за их счёт. Уроборос – процесс замкнутой циркуляции энергии в монстре: «Дракон и змей – изначальный образ бессознательного. Убив дракона, можно добраться до головы, где происходит процесс трансформации» (алхимический текст).

Убивая дракона, эго утопает в его феминной энергии, как Геракл прислуживал при дворе Омфалы. В драконе постепенно накапливается феминная энергия, которая затем передаётся эго.

В течение культурного развития происходит сдвиг изображения дракона от огромного существа на стенах пещер через страшного чудовища на керамических сосудах к сравнимому с человеческими размерами существу в алхимических рисунках внутри сосудов. Стены пещер – внешние стенки сосуда – внутрь сосуда: идёт постепенный процесс интернализации. Алхимические драконы всегда изображались как единство, соединение противоположностей, компенсируя односторонность эго. Голова дракона содержит драгоценный камень, который, по Юнгу, символизирует сознание как контейнер для символического образа Самости.

Либи́до в форме дракона легко трансформируется, как бы надевая шкуру дракона для процесса индивидуации. Либи́до как бы ограничивается в драконе для дальнейшего использования его эго.

Первоначальный вопрос: чего хотят драконы? В алхимическом тексте «*Aurelia occulta*» сказано: «Я поднимаюсь из самых низов до самого верха. Я един и многое во мне». Юнг: это первичный образ Самости; нужно много энергии от эго, чтобы преобразовать его. Такое уважение к голосу образа у Юнга заняло несколько десятилетий и проявилось в его изучении алхимии. Юнг научился дружить с драконами. Он считал уроборос очень ценным образом из-за его самовоспроизводства: он как образ Самости содержит в себе всё необходимое. Это качество образа Бога.

В течение алхимического процесса дракон трансформируется из своей низшей отравляющей и страшной формы в образ целителя. Дракон, покоящийся в земле, ждёт другого героя, который будет не убивать его, а взаимодействовать с ним. Это было бы завершением тысячелетней битвы путём мирного урегулирования. В процессе мы относились к объекту как к объекту, а не субъекту. Ответ может быть получен от объекта как субъекта, если вступить с ним в диалог. Юнг: мы просто слушаем то, что психика хочет от нас.

Станислав Раевский
Миф эго: между Юнгом и Буддой
(Лекция)

У каждой психологической школы есть основатели, мифы которых становятся мифом теории и личностей последователей.

Фрейд, укладывая взрослого на кушетку, сначала превращал его в ребёнка, а потом превращал этого ребёнка в скучного взрослого, отказавшегося от детских желаний. Это типичный герой, убивающий своими интерпретациями драконов бессознательного.

Юнг после написания Красной Книги стал открыт для Другого. Его путь похож на путь Будды, который сначала попал под власть своего отца, не могущего избавить только от старости и болезней, и попавший в тюрьму взглядов отца (как Юнг в отношениях с Фрейдом). Будда оставил дворец иллюзий и отправился в страну лишений. Главное в буддизме – отсутствие отдельных сущностей (эго и бога) и опора на разум.

Юнг предлагает отказаться от героизма и последовать за психикой. В этом пути не может не произойти трансформации самого ученика – юнгианского аналитика.

Юнг постоянно возражал против буквального понимания своих идей и предлагал искать свой путь.

Любовь к далёкому и недоступному объекту (к аналитику) – это любовь эго к недоступной Самости. Если перенести это чувство на близких окружающих в виде сострадания, то и тот недоступный объект сможет через них стать ближе.

Сильвестр Войтковски
(Супервизия)

Представлен первый сон в терапии. Клиент мужчина, 38 лет:

«Дом на берегу моря с колоннами, как греческими. Я в большой светлой комнате с женой (с которой в разводе, достаточно тяжёло давшемся). Я должен выяснять с ней отношения вопреки моему желанию. Из-за колонны выходит мужчина и уводит меня гулять по поверхности моря. Я должен вроде вернуться к жене, но мне хорошо беседовать с мужчиной. Как он движется по поверхности моря, неясно. Может, это какая-то обувь типа летучих сандалий (это комментарии к сновидению). Мне надо просто держать его под руку».

При обсуждении сновидения – удивление: «Сам Гермес ко мне приходил! Почему он не приходит ко мне на работе, а только здесь, в анализе?». Запрос – как привнести это во внешнюю жизнь на работе.

Обсуждение в группе

Уход в скольжение по поверхности от конфликта с анимой. Только на границе, на пороге (в том числе аналитического кабинета, как выяснилось, на выходе) может родиться реальное переживание, например, на границе сессий – по 1,5-2 минуты про реальные чувства.

Майкл Ванной Адамс

**Метафора для метаморфозы. Изменение в мифе и психике
(Лекция)**

В Овидии «Метаморфозы» около 250 метаморфоз.

Метаморфоза – превращение из одной формы в другую: избожественной и человеческой в растительную и животную. У Овидия тела мужчин и женщин умирают, чтобы превратиться во что-то другое. Один из персонажей Овидия говорит: всё меняется.

Пифагор говорит об изменениях не как о прогрессе и регрессе, а как о процессе. Парадокс в том, что единственное постоянное – постоянство изменений. Для него все изменения неизбежны.

У Овидия – нет: многие боги и богини могут меняться сами. Изменения людей могут быть дарованы как награда и наказание, в изменение убегают от невыносимых условий. Овидий подчёркивает телесное, а не психическое изменение, но оно лишь сопутствует телесному, являясь его эпифеноменом.

«Метаморфозы» включают много мифов, когда тело человека превращается в камни – минералы. Это неподвижные объекты как наказание. Это может быть метафорой эмоционального состояния, нечеловеческое качество эмоциональной установки – бесчувственной, бездумной, равнодушной, жестокой.

Онтологически камни не имеют мира, у них нет доступа к миру: камень прикасается к земле, он лежит на ней, не ощущая её. Они бесчувственны, неодушевлены. Всё, что окружает камень, недоступно для него (Хайдеггер).

Человек никогда не рассматривает объекты, в том числе камни, как неодушевленные. Было бы неправильно просто отмахнуться от этого как от простой метафоры о психическом состоянии в мифе.

Юнг и его размышления о камне – кто камень, а кто мальчик, сидящий на камне. Для Юнга-мальчика быть камнем – всё равно, что стать таким спокойным, как камень: он не знает сомнений и колебаний, он существует тысячи лет, а я – явление преходящее. Значит, во мне есть нечто столь же устойчивое и вечное, как этот камень.

Это пример об одушевленном объекте, у которого есть Я, и он может говорить. Это воображаемая игра, в которой есть неизменное и временное.

Элиаде говорит: он вечен и постоянен во времени и непостоянстве.

В воображении Юнг совершает перестановку себя и камня, что не смог сделать Хайдеггер. Это защита от эмоциональных переживаний. В дальнейшем его занятие алхимией придало новый смысл камню: «Превратите себя в философский камень», то есть в психологический камень.

Несмотря на то, что нет названия психологической защиты «окаменение», об этом говорит Лэйнг: оцепенение от ужаса, уход от этого ужаса, а также деперсонализация, «превращение в камень», в вещь другого, чтобы не испытывать от общения с ним ужаса. Он рассматривает это как бессознательный процесс. Сон об окаменении всей семьи у 25-летней женщины, который она видела 4 раза подряд в течение 10 дней, после чего она была госпитализирована с острой формой шизофрении в состоянии «окаменения».

Сирлз тоже описал пациентку, ожидавшую наступления психоза. Ей лицо напоминало камень, и её тревога предотвращала её превращение в камень, которое она понимала буквально; как и все психотики, она не различала буквальность и метафору.

Несмотря на то, что камень и скала по сути – одно и то же, но камень как метафора обычно негативна, а скала – позитивна. Клиентка Адамса, у которой умер муж на руках, плакала и говорила, что её муж был для неё скалой – нерушимой, твёрдой, на которую можно было опереться.

Юнг говорил, что архетипическое содержание выражает себя в метафоре, а Хиллман, что всё – метафора. Это значит, что что-то соответствует другому, но не буквально, а всерьёз. Принимать всерьёз, говорит Юнг, не значит буквального соответствия и равенства.

Скала – значимая метафора в Библии. Христос – скала. Петр – камень, на котором создаётся церковь.

Та девушка в анализе оказалась местом без скалы и наковальней без молота. Две другие женщины использовали эту метафору как защиту от переживаний и тоже чувствовали себя камнем без скалы. За одной из них начал ухаживать начальник, который ей нравился, но был женат. Она не хотела разрушать семью и «превращалась в камень», когда он касался её, обнимал и щекотал. Вторая женщина приехала в Нью-Йорк из Аргентины и раскрылась, ожила. Она познакомилась с парнем из Аргентины – и снова стала камнем, так как жизнь с ним всё равно, что снова вернуться в Аргентину. Она стала бесчувственной скалой. Но, когда она увидела его с другой девушкой, она стала бросать в него камни – и снова ожила.

Другой клиент, ощущавший себя скалой, имел после сна в активном воображении разговор с братом. Его смысл: сновидец должен был взять на себя то, что всю вину за свою жизнь вешал на брата, который был, как скала. Он превратился в воображении в чёрную скалу: «И что ты собираешься делать со скалой?» - «Я мог бы отойти, высечь статую, отполировать и любоваться или поклоняться ей». Все эти возможности заключены в скале.

Поклоняться скале – чёрный камень в Каабе, которому поклоняются мусульмане. До ислама арабы поклонялись скалам и камням. Если это была статуя, то её называли идол или образ. Когда они путешествовали, то на остановках брали 4 камня, саамы красивый называли богом и приносили ему жертву, а на остальных разводили очаг.

Магомет разрушил все идолы и установил чёрный полукруглый камень. Арабы отрицают, что поклоняются камню, а не аллаху в нём.

Современные люди настолько же мифологичны, как и древние, так как мифологично само коллективное бессознательное.

Вопрос к студентам-психологам: за что вам платят? Один из ответов: за изменения.

Но не все люди любят изменения. Многие приходят в анализ для того, чтобы помочь сохранить всё как есть. Сирлз описывал психотического пациента, который оказывал сопротивление анализу, как скала.

Фрейд и Юнг говорили, что в анализе происходит трансформация сознания. Одна из главных работ Юнга в названии имеет слово «трансформация». Это психическая трансформация, в отличие от метаморфоз Овидия. Хиллман сомневается в том, что изменения – главная цель анализа. Неизменность как скала в психике – очень важная её часть, которая должна оставаться такой в любом состоянии. Главное в терапии – отделить неизменяемую часть психики, её скалы, от того, что изменяется. Это скалы характерологические в отличие от идиосинкразий, которые должны подвергнуться изменению.

Психоаналитикам и юнгианцам главное не – менять или не менять психику, а оставить клиенту возможность испытать неопределённое состояние, из которого он может найти собственный выход.

Вопрос из зала: Какие части психики неизменны?

Ответ:

У каждого свои. Индивидуация – это дифференциация, и у каждого свои скалы, складывающиеся в течение жизни. Они позитивны – не всё в психике должно меняться. Аналитик не должен пытаться изменить клиента. К этому ближе буддисты и взгляд Юнга на то, что ответственный за изменения и процесс объект – не в аналитике, а в психике самого клиента. мы рассматриваем сны, фантазии клиента, чтобы видеть то, что сама психика ему говорит, чтобы затем передать это знание ему самому, чтобы он решил, меняться ему или нет, в чём он свободен выбирать сам.

Лев Хегай
Человек XX века в поиске созидательного мифа
(Лекция)

Реакция на современный образ жизни, который очень быстрый, – хочется остановиться и окаменеть. Этот доклад – как компенсация предыдущего доклада.

Видимость обоснования своей связи с историческим контекстом есть в каждой эпохе: в виде архитектуры, изобразительного искусства.

Сейчас клиенты часто обращаются с хрононеврозом – хронической нехваткой времени, чего наверняка не было во времена греческой цивилизации и Юнга. Внимание скульптора концентрировалось на образе при создании скульптуры днями и месяцами. Такая концентрация в современном мире, насыщенном Интернетом, практически крайне редка.

(демонстрация ролика «Знаете ли вы?»)

Будущее создаётся манипулятивно мнениями экспертов, а не предвидением или предсказанием. Шекспир: «Мы созданы из того же вещества, что наши сны». Эти экспертные мнения создают реальность. Если мы к ним прислушиваемся, мы идём в ногу со временем в толпе. Можно стать экспертом – тогда можно угадать, усвоить и изменить время.

Интернет сейчас – зеркало для ребёнка, с этим изображением он себя идентифицирует на стадии зеркала – с монструозностью. Он смотрит не своими глазами, а картинками с экрана, с помощью технических средств, а не глаз.

Сам статус образа изменился. В прошлом с образами человек себя идентифицировал, сверял себя. Сейчас этого нет – нет духовных сил и ориентиров, только реальность материальной действительности.

Икона – образ идеального мира. Её уничтожение – уничтожение образа мира.

(привёл в пример фильм «Чрево»)

Мы не чувствуем себя во времени. Демократия стала дромократией: «Кто не успел, тот опоздал».

От большой скорости цвета смазываются, и город становится серым. Попытка вырваться и убежать – в религию, деревню, восточную философию.

Протей – греческий пророк, бесконечно превращающийся в разных животных. Именно он управляет современным временем. Кто его схватит, тот выиграл.

Культурологический форум

Конспектировать было нечего.

В одном из докладов поставлено равенство между меланхолией и депрессией. Я составила схему, из которой можно вывести, что меланхолия – процесс, затрагивающий психику в целом; а депрессия – это состояние эго-сознания при меланхолии.

Схема – [здесь](#). А [здесь](#) - иллюстрация по ходу процесса.

Валерий Зеленский (Культурологический форум)

К лекции не готовился, так как был приглашён неожиданно, вместо отказавшегося в участии в культурологическом форуме А.Ломоносова, так что выступление – чистый экспромт.

На форуме происходит разговор о мифе: снаружи – культурологи, изнутри – аналитические психологи.

В личной истории Зеленского пресеклись 3 важные фигуры. Семилетним мальчиком его дед привёл его в дом вдовы Волошина. Эта встреча до сих пор, 60 лет спустя, играет огромную роль.

В конце 90-х гг. познакомился с Хиллманом, в результате создал журнал «Новая весна», в одном из них – миф, о котором сейчас пойдёт речь.

Проект Эранос – культурная лаборатория, с которым Зеленский познакомился через Хиллмана и был принят в члены эраносского foundation. Сейчас там финансовые перипетии.

Кемерийский миф (место, где найдена библия).

10 лет назад Зеленский сделал доклад «Юнг и Волошин» на Волошинских чтениях. Его приняли, как сумашедшего. Лет 10 спустя услышал там же, что докладчики стали использовать его язык (уроборос и др.) – его время пришло.

Волошин – это его фетиш. На следующие Волошинские чтения ему предложили создать глубинно-психологическую секцию, и поэтому оприехал сейчас в Москву и согласился принять участие в этой конференции экспромтом.

Юнг пришёл к алхимии через поэтов Серебряного века: издатель Метнер (издательство «Мусагет») пришёл к Юнгу в терапию после разрыва с А.Белым, а у Юнга в это же время произошёл разрыв с Фрейдом. Юнг читает Белого, В.Иванова и других, переведённых на немецкий, так что «Septem sermones...» написаны под их влиянием.

У Волошина есть работа «Хромидон».

Анима и другие понятия в «Психологических типах» Юнг взял у В.Иванова через Метнера.

Русский символизм роднит с Юнгом идея контакта с Мировой Душой – мифологическим бессознательным Юнга. Это не узкий индивидуализм, а «нужно отделиться от мира, ослепнуть для мира, чтобы узреть Софию» (цитата какого-то поэта, вероятно, Белого). «Умирает моё Я и рождается большое Я во мне», «Есть Большое Я и есть Я как эго, что для одного возрождение, для другого – смерть».

Не героическое эго, а Большое Я способно участвовать в гнозисеи со дня на день обновляться.

Для символистов миф – мир, связующий эти два уровня Я.

Символисты искали метафоры для психических процессов в окружающем мире, природе, так как взгляд на алхимию как попытку передать психические процессы ещё не был разработан Юнгом.

Символисты в своих стихах переходили на восприятие символического уровня восприятия, уходя от конкретики, что и делают сейчас аналитические психологи^[3].

Кириллюк Инна, Кобзева Юлия (Киев)
Тень супружеской пары в судьбе детей
(Воркшоп)

Исследуется супружеская связь – испытание родительство. Как этот комплекс должен постучаться в каждую семью, как происходит вытеснение одной из частей у каждого из супругов. Потом у этой пары рождается третий, а перед этим 9 месяцев ожидания. Что происходит в это время с супружеской парой? В это привносится опыт, который они наблюдали, будучи сами детьми.

Если появился родительский комплекс – появилась и его тень.

Участникам предложено исследование в кругу: вспомнить один образ хорошей супружеской пары, семьи (кинематографический, литературный или реальный) и один образ негативный.

В этих образах важно отделить супружескую пару от родительской что именно воспринимается как позитивные и негативные их качества.

Высказывание: Не будьте строги к своим родителям – они воспитывают вас впервые в жизни!

Если позитивный опыт прожит лично, то он всегда сопровождает нас и транслируется окружающим. Негативные образы, опыт тоже проживается – его проще проживать опосредованно, на экране, например (у меня кинематографические образы: позитивная пара «Семейка Адамсов», негативная – «Грегор Мулен против человечества»).

Эти картинки – то, как я хочу, чтобы было в отношениях и то, что никогда не было бы в моей жизни – есть у обоих супругов. Эти образы погружены в нас и всплывают не сразу.

Родительский комплекс постучался, образы собраны – пошло их воплощение. Ребёнок рождается – через 9 месяцев отлучение от груди – он становится третьим – в 1,5 года, когда он начинает ходить, начавшаяся оформляться триада становится устойчивой. Ребёнок сепарируется, может быть отдельно сам с собой. Для него появилось место.

Когда ребёнок рождается, супруги предоставляют место для него, оттесняя что-то из супружеской пары. Когда ребёнок сепарируется, это место освобождается, и оно занимается тенью – как бы что-то откладывалось на потом, забывалось.

Упражнение в тройках:

- 1) представить и обсудить образ женщины, пугающий в момент отделения ребёнка от матери в 1,5 года,
- 2) представить и обсудить образ женщины, становящийся манящим в этот момент.
- 3) записать характеристики этих образов,
- 4) подобрать богинь, соответствующих этим описаниям.

(в нашей тройке описание пугающей фигуры – Кали, манящей – Леля. Ведущие не приняли во внимание, просто не заметили ни один из высказанных в круге образов, который не вписался в их подготовленный текст).

Образ женщины, которая уже 1,5 года занимается ребёнком, а не собой или мужем – это нетворческая работа, это другой мир, а до этого (до отделения ребёнка) мир закрыт от неё. Женщина пожертвовала своей Афродитой, которая стала проявляться в бездетных подружках молодой матери. То есть в тень вытеснилась Афродита.

Два образа конфликтуют друг с другом:

- мать,

- Афродита как страсть, чувственность, которые опасны для материнства, так как ведут к оставлению ребёнка.

В «Святой проститутке» выделяются 2 Марии:

- Дева Мария,

- Мария Магдалина.

Два этих противоречивых образа конфликтуют в женщине, третьего не появляется.

Эросная женщина не связана детьми.

Этот конфликт легче увидеть в многодетной семье, так как повторяется неоднократно.

В анализе этот конфликт переводится в парадокс – как мандорла: верх как духовность и низ как телесность. Их синтез как интеграция является воплощением феминности в её целостности.

Женщина не одна, в её жизни появляется мужчина, и она становится «государевой женой». Как и в сказке, в период беременности жены мужчина чаще всего отсутствует, например, на работе, он важно занят – ситуация, когда нет отца, даже если он есть, ощущение отверженности у женщины.

Здесь знакомство с тенью через проекцию: обоих своих детей Гера родила сама – Гефеста (от чувства отверженности) и Ареса (от злости за измены Зевса). Это и есть черты тени отца, которые он отвергает у себя. Вытесняется материнский комплекс и творческая активность у обоих супругов в Гефесте; в Аресе вытесняется импульсивность как в страсти, так и в ярости – импульсивность какотреагирование без символического, рефлексивного уровня. Это как отказаться от своей маскулинности.

В тени мужчины – свободный художник и воин, это конфликт мужчины в его супружестве.

Ареса с Гефестом объединяет Афродита – как жена второго и любовница первого. Дети Афродиты – 6 детей – и являются клиентами аналитиков:

- Эрос (любовь),
- Антэрос (страсть и ненависть),
- Фобос (страх – фобии),
- Деймос (ужас – панические атаки),
- Гармония (ригидная персона, страсть к совершенству – нарциссизм),
- Перифет (дубинщик – социопатия пограничного уровня).

У этих детей теней нет лица – нет их изображения в истории. В терапии важно обрести им свою идентичность, выйти из родительской тени и обрести собственную жизнь, собственную судьбу.

Генри Абрамович

Болезнь аналитика и аналитическая этика

(Воркшоп)

Этика – как мышцы, которые нужно постоянно тренировать.

Юнгианцы много говорят об индивидуации как внутреннем голосе и не любят, когда говорят, что им делать. Этика – коллективно принятые нормы, кто хороший или плохой, преступник и жертва.

Но должен быть этический кодекс в каждой организации. Самый лучший кодекс – корейский (с точки зрения Абрамовича), где всё красиво расписано.

Часто кодекс читают и откладывают в папку и не используют. Важно сделать его живым и использовать в своей работе. Можно, например, читать и обсуждать в своей группе.

Часто нет возможности после обсуждения случая нарушения затем восстановить справедливость и доверие со стороны клиентов. Следуя всем правилам, трудно делать это неэтически, но остаётся ощущение своей уязвимости.

Вопрос к аудитории: какое самое сильное нарушение этики?

Ответы: убить клиента, преследовать его, использовать, подсадить на себя, унижить, навязать свой жизненный стиль, нарушить конфиденциальность, секс, умереть самому (бросить).

Важно понимать границы того плохого, что аналитик может совершить по отношению к клиенту. Но, если аналитик не очень осознан, то он может упасть, не заметив этого.

Многие вещи не запрещены кодексом. Например, в Гонконге ответ – быть экспертом.

В Махабхарате герой подходит к водоёму, умирая от жажды, но голос говорит: «Сначала ответь на вопросы». И ему приходится ответить на ряд вопросов: какое самое большое чудо?

«Это никогда не произойдёт со мной».

Когда клиент приходит, для него создаётся миф «вечного аналитика»: что он всегда на месте и доступен. Но аналитик – человек, он может заболеть и умереть.

Когда Абрамович проходил обучение, у его друга-женщины, тоже кандидата, был рак груди. Она держалась своих пациентов, которые держались за неё. И ему пришлось сказать её пациентам о том, что она неожиданно умерла, не попрощавшись.

Статья Памелы Пауэр об этом же.

Упражнение (активное воображение): представьте, что ожидаете своих результатов на рак.

Первая реакция аналитика – осмыслить своё заболевание. Усвоить хорошо прожитые моменты. подумать о клиентах. Абрамович читает выдержки из своего дневника, когда у него обнаружился рак лимфы (лимфома?).

Прорабатывание болезни – долгий, постоянно продолжающийся процесс даже после излечения.

Важный момент – сколько информации говорить пациенту. Традиция начата Фрейдом, он придерживался мнения «не говорить ничего». Когда он пошёл на свою первую операцию, он ничего не сказал даже жене и семье, не то, что пациентам. Они узнали только, когда ему пришлось остаться в клинике.

Для пациентов очень разрушительно не знать о болезни аналитика.

Из опыта Абрамовича: он много узнал о биологии лимфомы, что помогло справиться с паникой. Его юнгианский взгляд помогал докторам назначать правильное лечение.

У него был пациент-доктор. Для него он сказал слишком много, нагрузив из желания собственного облегчения. В других случаях он говорил очень неохотно. Позже ему сказали, что лучше бы они (пациенты) знали больше.

Это очень отличается от обычного анализа. Это юнгианский подход – поиск третьего, что даёт какую-то возможность между двумя противоположностями.

Когда аналитик умирает, повреждается сама возможность установления отношений в психике клиента. Если вы как аналитик признаётесь в своей слабости-болезни, вы воспринимаетесь как более сильный, который может справиться со своей слабостью.

Абрамович пошёл на супервизию, чтобы найти нужную дистанцию: рассказать элементарные медицинские факты, а затем спросить о фантазиях об этом. То есть

фокус остаётся а клиенте. Это как сказка «Три медведя» – выбрать среди самого мягкого и жёсткого среднее.

Часто заболевание воздействует на тело – какое-то больше, какое-то меньше. Хорошо себя чувствовать – это хобби, а болеть – работа. По-английски, заболевание – отсутствие лёгкости, спокойствия, их потеря (из зала: русское соответствие «немошь»). Для Абрамовича главное было – потеря бороды, которую он носил с 19 лет. Его перестали узнавать, и он сам перестал себя узнавать.

Упражнение (активное воображение): Представьте, как вы почувствуете себя, если в вашей персоне что-то существенно изменится. Что почувствуют ваши пациенты?

Все пациенты реагируют по-разному. Нужно много времени некоторым, чтобы восстановиться. Другие говорили, что ему лучше без бороды. А третьи, что борода была теменосом, и сейчас надо создавать новый.

Болезнь терапевта всегда создаёт тревогу в персоне терапевта. Это и тревога потери дохода, но в большей степени – боязнь потери идентичности. Будут ли направлять пациентов к терапевту, у которого рак?

Абрамович никогда не получал большего удовольствия от сессий, чем когда болел, – он был целителем. Он был более чувствителен и внимателен, он работал чётче и задавал вопросы, которые приводили к прорывам, как квантовые скачки.

У Юнга в X главе «Воспоминания, сновидения, размышления» описано, как он сломал ступни и получил сердечный приступ, получив опыт близкий к смерти. Он видел, что все жили, как в коробках, между которыми не было контакта. Его видение позже: медсестра-еврейка готовила особую еду. Затем он оказался в священном месте и наблюдал священный брак, и он сам в качестве жениха. После этого он восстановился и обрёл новые творческие силы: многие его работы были написаны после этого, и он писал, что обрёл себя.

Анекдот: сколько юнгианцев надо, чтобы заменить лампочку:

- несколько – они не найдут лампочку;
- несколько – у них внутренний свет.

В Англии закон: передавать коллеге, которому доверяете, список пациентов. Что ещё внести в этот список, кроме имён и телефонов? Абрамович включил туда уязвимые места каждого пациента.

Надо учитывать, что в любой момент аналитик может не вернуться в офис.

Лучше передать пациентов ещё тогда, когда вы чувствуете себя хорошо. Тогда они имеют возможность прийти или как к аналитику, или просто как к человеку.

Часто мёртвый аналитик идеализируется: «Мой аналитик так никогда бы не сказал!».

Для аналитического сообщества важно поддерживать умирающего аналитика, кто сейчас в плохой форме, но не передаёт своих пациентов – как ему сказать о необходимости этого. Абрамович привёл пример преподавателя в Цюрихе, у которой обнаружилось заболевание Альцгеймера. Есть те, которые заканчивают самоубийством. Это сложнее для переработки.

Нужно сделать своеобразное профессиональное завещание, подумать, что делать со своими файлами. Это возможность того, чтобы всё профессиональное сообщество стало теменосом для клиента.

Если вы видите, что аналитик справляется с заболеванием с достоинством, это большое благо для пациентов. К Салливану, когда у него был сердечный приступ, пациенты приходили в больницу и говорили, что это было очень хорошо.

В фильме «Чужая ошибка» аналитик умер на групповой терапии.

Анекдот: есть три самые плохие вещи для аналитика – по степени возрастания плохости:

- вы убили пациента,
- вы занялись сексом с пациентом,
- и самая плохая – вам всё ещё не заплатили.

**Майкл Ванной Адамс «О Баал, услышь нас!»
Активное воображение и мифологическое бессознательное
(Лекция)**

Интерпретации сновидений и активного воображения наиболее важны в анализе. Активное воображение даже более, чем сновидения.

Особое достоинство активного воображения – влияние образов бессознательного напрямую и более активно и взаимно. Это внутреннее видение и огромная независимость.

Слово «активное» означает, что образы активно включаются, и это активно включается в общение. Даже более верно «интерактивное воображение»: Юнг изобрёл внутренний диалог так, как француз Эдуард Дюжарден до него (конец XIX века) – внутренний монолог.

Юнг немного написал об активном воображении. Другие аналитики писали об этом методе, непосредственно собирая работы Юнга по нему. Самая интересная книга – Мэри Уоткинс в работе «Невидимые гости: развитие образных диалогов» (1986).

Но сам Адамс разочаровался, прочитав их, так как они не отражают всего значения и глубины этого метода. Эта лекция – попытка исправить дефицит литературы по активному воображению.

Здесь представлены два случая активного воображения клиентов Адамса.

Первый случай. Клиентка, 25 лет. Сначала отказывалась от применения этого метода, потом стала практиковать и открыла для себя независимость бессознательного.

Название лекции взято из Ветхого Завета. Царь Ахав поставил капище Ваала в то время, когда пророки Иеговы стали проповедовать новую веру. Чтобы сравнить силу своих богов, более многочисленные жрецы Ваала стали целый день призывать: «Ваал, услышь нас!». Но он не ответил. Пророк Илья стал насмехаться над ними. Потом Илья собрал израильтян, построил жертвенник из 12 камней, велел привести всех пророков Ваала и заколол их.

В первой заповеди Яхве говорит: «Да не будет у тебя другого бога, кроме Меня». Но эта заповедь время от времени нарушалась – поклонение идолам как подавление единого бога.

Когда клиентка Адамса призвала Ваала, он пришёл. Она узнала про его имя, и это потрясло её. Это имя ассимилировано в Библии, став именем демона. Но это имя бога, которому поклонялись с глубокой древности многие народы.

Ваал – почётное звание любого местного бога: хозяин, собственник, владелец. Наиболее часто встречается в составе имени Вельзевул – «повелитель мух». Когда Иисус изгоняет демонов, он делает это именем Вельзевула.

Запись первого активного воображения:

Появляется лицо старушки, потом молодой женщины.

- Почему ты меняешь лица?

- Чтобы не испугать тебя, так как ты пугливая (мужской голос, идущий из пещеры).

- Можно, я войду в пещеру?

- Да.

- Я не вижу тебя. Ты выйдешь на свет?

- Нет, ты боишься.

- Можно, я выйду?

- Да, но возвращайся.

Она вышла, потом вернулась.

- Ты красивый, судя по голосу

.....

В конце она видит его в сияющих драгоценных голубых камнях и преклоняется перед ним. Он похож на павлина.

Потом в углу пещеры появляется Критик с сигаретой, женщина его узнаёт. Критик говорит:

- Ты боишься, а я нет. Я включаю свет.

Включается свет – это мужчина, одетый очень строго и утонченно, в возрасте, но до сих пор неотразим. Он говорит:

- Я никуда не уйду.

Пещера превращается в металлическую комнату-операционную, ослепляющую прожекторами. Она знает, что ей собираются разрезать живот и выпотрошить, смыть кровь, а потом повторить с ней или кем-то ещё. Это просто забой. У Критика скальпель. Женщина:

- Ты абсолютно реактивен, тырываешь в клочья то, что я тебе даю, но сам не можешь ничего инициировать.

Она назвала его вампиром. Он выдаёт вампирский номер, показывая клыки, и шипит. Она понимает, что права в том, что он имеет то, что она ему даёт.

Критик:

- Я просто хочу, чтобы ты стала лучше.

Комментарий женщины: «Я для него недостаточно важна, чтобы он заботился обо мне».

- Скажи, что сделает меня лучше?

- Нет, не скажу, никогда не скажу!

Прожектора выключаются, разговор закончен, как только она перестала бояться его.

Она не знает точно, где находится. Она зовёт павлина. Она знает его имя неизвестно откуда:

- Ваал, приди!

Он приходит, обвивает руками. Он очень большой и старый.

- Стань моим отцом!

- Я лучше, я – это ты.

- Почему ты любишь меня?

- Потому что я – это любовь.

- За что?

- За то, что ты маленькая, розовая, симпатичная.

Женщина поняла, что ей надо идти на репетицию.

- Ваал, я должна идти на репетицию.

- Я буду там с тобой.

Она понимала, что критик тоже будет там. Она благодарит и спрашивает:

- Ты будешь здесь?

- Да.

- А что ты будешь делать?

- Делать? **Я не делаю, я есть** и был здесь задолго до тебя и буду потом.

Запись второго активного воображения:

Она говорит Ваалу:

- Я устала.

Он кладёт её в яйцо с павлиньими перьями, он сам – и яйцо, и внутри. Потом она выходит, садится у костра и говорит:

- Мне нужна твоя помощь.

Он у неё в глазах. Он как человек со змеиными глазами, потом становится огромной золотой змеей, как в фильме «Заклинатель змей». Есть ощущение загипнотизированности – она или Ваал? Он кладёт голову ей на стопу, ползёт вверх по спине, его голова около её левого уха, как монитор, когда она поёт в студии, чтобы слышать себя.

- Что ты хотела спросить?

- Я в машине скорой помощи – и врач, и пациент. Что мне делать?

Ваал обвивается вокруг её тела и сдавливает, но она в безопасности: её мышцы напрягаются, она чувствует в них тревогу. Ваал всовывает язык в ухо и говорит:

- Ш-ш-ш-ш!

А хвост – в вагину. Это сосредотачивает женщину, это сексуально. Он спрашивает:

- Всё в порядке?

Он хочет убедиться, что она не чувствует себя изнасилованной. Она:

- Да, мне это нравится.

- Ты создана для меня, для любви. Обратись к этому моменту ясности, сосредоточенности.

Ты – громоотвод.

В этих случаях активного воображения женщина обращается к тому, что Юнг называет богом внутри – живой, активный, чуткий, благожелательный. В отличие от него, критик недоброжелательный: он критичен, садистичен, «злобный, противный, жестокий», уничтожающий. Она нарисовала его – весь чёрный, кроме красного кончика сигареты и белого дыма.

Активное воображение – переживание субъективного уровня. Образы – персонификации частей психики самой женщины. Роуэн называет их субличности. Критик – субличность, появляющаяся так часто, что её можно считать общечеловеческой.

Пещера, по Юнгу, один из самых важных образов бессознательного. Любой, вошедший в эту пещеру или темноту, лежащей за сознанием, может создать связь с фигурами из бессознательного. Это то место, где образы трансформации появляются спонтанно. А комната – место вивисекции. Потрошение – большее злодеяние, чем кастрация, так как смертельна. У женщины оказались слишком толстые кишки (аллюзия на выражение «кишка тонка!») для критика – она не дала себя разрезать.

Ваал – оборотень: сначала женщина, затем мужчина, потом андрогин и павлин.

Павлин как часть психики – горделивый, выставяющий себя на обозрение. В алхимии *cauda pavonis* – интеграция всех качеств, знаменующий окончание *opus*, дающий все возможности, разворачивание и претворение целостности.

Во втором случае появляется яйцо павлина – в алхимии символ *sperma mundi*. Появление женщины из яйца – переживание преобразования и восстановления – трансформации психики.

Затем Ваал стал змеем, проникающим и разговаривающим. Женщина – воспринимающая, а не сопротивляющаяся. Змей проник в оба восприимчивых отверстия – ухо (вербальный) и вагину (сексуальный). Психоаналитическая трактовка была бы исключительно сексуальной – как проявление подавленной сексуальности. Но во время анализа это женщина была достаточно сексуально активна – не было сексуального подавления. Образ сексуальной связи – психическая связь между женщиной и змееподобной частью её психики, мгновенной смены настроения в результате оргазма. Обвинение вокруг тела есть на картине В.Блейка.

В ответ на вопрос змей сжимает и проникает в ухо и вагину. Внимание женщины сразу переключается с её тревоги на ощущение в основании позвоночника, где раскрывается светом. Как в кундалини-йоге. Кундалини – энергия, либидо. Змея – её символ, она спит в основании позвоночника, а когда просыпается, то поднимается по всем чакрам вверх – от полностью эго-сознания до высших форм просветления.

Змей говорит, что женщина предназначена для соединения верха и низа, для союза. Эти образы – единство противоположностей, их союз. Сексуальная связь – символ соединения, союза противоположностей, *coniunctio* в алхимии. Змей – не просто природное животное, но мифическое животное, образ мифологического бессознательного.

Громоотвод – стержень, заземляющий, проводящий заряд в землю, превращающий опасное в безопасное. Молния – мгновенная трансформация, которую женщина может проводить и заземлять, соединяя небо и землю.

В книге, посвящённой символизму, Ваал представлен как бог молний, держащий молнию в руке (гипсовое изображение 1600-1400 г. до н.э.). Адамс узнал об этом после написания этой лекции. Молния – образ либидо Ваала.

Генри Абрамович «Анализ в тени террора» (Лекция)

В России тоже много терактов. Лекция о том, как теракты влияют на работу аналитика.

В анализе должен быть безопасный контейнер, магическое пространство теменоса, где можно исследовать самую агрессивную фантазию. Но когда граница с реальностью стирается, анализ невозможен. Сейчас приходится проводить анализ в условиях повторяющегося террора.

Столкновение со смертью, с тревогой, основанной на реальности, а не паранойе, накладывает сильный отпечаток на анализ.

Абрамович провожал клиента до двери, а на улице по громкой связи просили оставаться в помещении, так как на другой стороне улицы обезвреживали бомбу. В этот момент они перестали быть клиентом и аналитиком и ощущали мистическое соучастие и беспомощность.

Теракты подрывают само ощущение безопасности: страх телефонных звонков, тревога при опоздании клиентов и т.п.

Теменос – то место, где можно творить, окружённое магическим кругом, табуированная площадь, где может проявиться бессознательное. Исторически теменос – внутреннее пространство храма, убежище от искушений, где можно ощущать присутствие богов. Это священное место, которое нельзя подвергать насилию. Ивритское слово «кадош» (священное) тоже означает «отгороженное». В храме происходит встреча человеческого с божественным, как и в анализе, это требует чувства защищённости и контейнированности.

Террористические атаки заставляют встречаться со злом. Здесь главная опасность – попасть в паттерн «преследователь-жертва», так как жертва одержима ощущением преследования. Большинство аналитиков Израиля имеют прямую связь с холокостом, а другие – через общество, которое им пронизано. Мы все живём в обществе, пронизанном архетипическим злом.

Клинический случай. При взрыве смертника его тело смешивается с телами жертв – и физически, и психологически. То же происходит во снах. Девушке, у которой подруга погибла в теракте, приснился дом с разрушенной стеной – как отражение ощущения разрушенной безопасности. Другой сон: преподавательница эвакуирует детей из учебного заведения в Иерусалиме, перед этим их туда препроводив. Это состояние мистического соучастия и слитности преследователя и жертвы.

Сон мужчины: сражение израильтян и палестинцев, и сновидец не знает, на чьей он стороне. Гвардейцы королевы собираются штурмовать школу.

Незнание, на чьей стороне – психическая спутанность и потребность в третьей фигуре. Гвардейцы тоже неясны: то ли спасатели, то ли насильники. В это время было событие в Беслане.

Образ самолёт, который снова и снова атакует центр, сейчас может рассматриваться как угроза Самости со стороны архетипа «преследователь-жертва».

Сон клиента: сновидец с другом едут в деревню арабов, где друг собирается взорвать их машину как акт мести. Это слабое эго, под влиянием тени идущее на акт мести – убийство невинных палестинцев – как поглощённость коллективными ценностями и отсутствие индивидуального отношения к событиям. Юнг: растворение в коллективной психике ведёт к стиранию индивидуальных различий, и дифференциация становится невозможной.

Реколлективизация происходит, когда стресс приводит человека к поглощению своей групповой идентичностью – становится, как робот, с разрушенной и заблокированной творческой частью. особенно это чувствуется с клиентами-палестинцами.

Выбор аналитика клиента «Джамилы» (красивая) сделала по принципу «то, что знакомо, более опасно, чем то, что знакомо». Весь анализ проходил под знаком террора. Её отец сидел в тюрьме как активный участник движения против израильтян. Её ранее воспоминание – визиты в тюрьму к отцу, который говорил: «Я живу только ради тебя» (идеализированный селф-объект). Её страдания – в повторяющемся сне: её родители стоят на берегу с ребёнком на руках, который выскальзывает и погружается на дно морское, барахтается, старается выбраться, а родители говорят: «Так вот – никакой проблемы!». Младенец, теряя материнскую защиту, тонет в бессознательном. Другая

часть Джамилы барахтается на поверхности, стараясь удержаться в персоне послушной девочки. Её страдания никто не замечал.

В определённый момент анализа они стали бороться с возможностью увидеть друг в друге врага. В один момент, когда она почувствовала достаточную безопасность, она выпалила: «Я ненавижу всех евреев!» – присутствует коллективность высказывания. Затем она продемонстрировала своё презрение к необходимости соблюдать правила, принятые большинством для собственной безопасности, поцеловав священную вещицу для евреев около двери и сплюнув. Когда она стала чувствовать привязанность к аналитику, она стала фантазировать, что он христианин, так как любить христианина проще, чем еврея. Она довольно откровенно говорила на сексуальные темы, стала заводить внебрачные связи, впервые испытала оргазм и решила на развод. Это довольно редкая ситуация для ислама. Отец, который в это время был уже не в тюрьме и был состоявшимся человеком, как будто поддержал её и пригласил для разговора к себе. По дороге её машину закидали камнями мальчишки, принявшие её за израильтянку. Отец осудил её и сказал: «Лучше бы ты умерла, чем видеть тебя разведённой». Она зашла в свою комнату в его доме и совершила попытку самоубийства (по Хиллману, уроборическое самоубийство как попытка слиться в Великой материю). Она выжила, продолжила анализ и стала палестинской феминисткой.

Мы только начинаем понимать влияние тени террора на нашу жизнь.

Сильвестр Войтковски
«Исламская рана в Западной психике»
(Лекция)

Только после 11 сентября Западная цивилизация проявила интерес к исламу.

Поиск Войтковски корней христианства привёл к ране Амфортаса в «Парсифале».

О культурной ране, имеющей архетипические корни, Юнг писал в «Психологических типах»: распад гармонических сил психики – как вечно открытая рана Амфортаса, когда дифференциация одной функции приводит к атрофии и деградации других. Сама культура нанесла эту рану психике.

Юнг рассматривает внешнюю форму дифференцированной функции в греческой культуре как перешедшую затем внутрь психики – подавление небольшим меньшинством и использование рабского труда большинства. Динамический механизм – подавление христианством тела и вознесение духа – привело к расщеплению того, что человек о себе представляет. Подчинённая функция влачит существование варвара – это и есть культурная рана.

Юнг переживал некоторые аспекты коллективной раны в своих отношениях с отцом: отец как страдалец с раной Амфортаса, а он сам – как безмолвный Парсифаль. Для отца эти страдания были лишью *imitatio Christi*.

У Юнга взаимоотношения с Рихардом Вильгельмом привели к выводу, что его смерть – результат взаимодействия китайской части его психики с христианской после возвращения в Европу.

У Юнга были отчётливо сформированные взгляды на культурную рану.

Обратимся к эпосу о короле Артуре. В версии Ашенбаха, рана Амфортаса получена в войне с сарацинами. Хранитель святого Грааля Амфортас покинул замок ради великой любви и получил в поединке рану в пах ядовитым копьём с надписью «Грааль» язычником-мусульманином. Это был недозволенный поступок, он явился противоречием между любовью и властью. Инсайт этого ранения: копьё как символ проекции в область сексуального влечения, которое не может быть исцелено без помощи представителя другой культуры, то есть Другого. Настоящее исцеление может принести вопрос королю Парсифалем, который входит во дворец вместе со своим братом-сарацином. Это исцеление самого Парсифаля.

Восточный сын короля имеет пятнистую кожу (он сын чернокожей царицы) – это пятнистое наложение двух культур, а не их однородная смесь. Это предполагает, что потенциалы двух культур находятся в неоднородной смеси и потенциальном конфликте.

Братья признают друг друга: мы сражались сами с собой и с радостью убили бы сами себя. Их поединок, примирение и совместный вход в замок – интеграция тени. В эпоху глобализации надо думать и о тех, кто не с нами.

Парсифаль, вошедши в замок, сразу влюбился в прекрасную Кундри. Эрос заступил место агапэ. Эрос был спроецирован на неверного; с тех пор Грааль стал невидим для них: наивысшая ценность для одной культуры невидима для другой. Это парадокс – разве эти ценности не всеобщие?

Как западные ценности свободы и демократии с помощью бомб идут в исламский мир.

Это поражение длится уже много лет.

Сарацин – потомок Сары: это неверное наименование, так как арабы – потомки Хакар.

Военное поражение Запада – единственная рана, нанесённая Западу менее развитой культурой ислама. Она строилась по своему пути, на основе греческой культуры и в раннем средневековье была более развитой, чем европейская. Это унижение выявило рану подавления телесного христианством, которое спроецировано на эллинизм и исламский мир.

Общепринятое мнение, что ислам до сих пор живёт в варварском женоненавистническом мире - нашего средневековья, из которого мы уже выросли. Примерно также видели арабы средневековых рыцарей, резавших людей и разрушавших храмы в религиозных порывах.

Даже если можно было бы доказать, что насилие в исламском мире более brutally, непонятно, почему используется термин «средневековый». Ведь именно в Западном мире в

последние сто лет произошло две мировые войны и холокост. Мы бомбили саполлонической высоты, чтобы не видеть кровь.

Исторически сложилось, что насилие видно в проекции на других в том состоянии, которое Западная цивилизация уже пережила, и наше насилие используется только как «защита от злых других».

Восприятие Другого как слаборазвитого себя приводит к его дегуманизации и переделке, доведения до своего развитого состояния, чтобы его можно было объединить с собой – высокоразвитым. Мы знаем, что для них хорошо, и навязываем это им, не принимая во внимание разделение мечети и государства.

Мусульмане уважали Юнга, называя его «человеком книги», но он отмечал, что не в состоянии примирить мусульманство с христианством, хотя предпочёл бы быть мусульманином, чем греческим христианином. Он размышлял об этом в связи со сном пациента о соединении полумесяца и креста.

Что мы как юнгианцы можем сделать для исцеления этой раны? Это может быть психологизация истории: «использование воображения измпатии для деконструкции образов завоевателей и покорителей в исторических событиях». Таким образом, нам нужно предпринять символизацию истории.

Потеряв возможность бороться за реальное пространство, мы стали бороться за виртуальное пространство.

Важность символического смысла происходящего – в цитате Нострадамуса: «Придут злые события, их припишут полумесяцу. Но никто не поймёт, что это происходит в бессознательном – история повторится».

Елена Пуртова
«Пенелопа. Работа ожидания»

(Лекция)

Бывает, что клиенты уходят – отпуска, беременности, болезни, финансовые ямы. Особенно часто это происходит после лета осенью.

Пуртова с клиентом, который потерял работу и ушёл из терапии, время от времени звонил, что не может прийти, чувствовала себя женой моряка.

Ожидание – это не пассивное действие. Это связывание воедино возникающих образов, переживание возникающих чувств.

В этом позитивный смысл ожидания. Во время Великой Отечественной войны проявился огромный потенциал в ожидании: стихотворение Симонова «Жди меня, и я вернусь...».

Это работа ожидания. Она хорошо выражена в «Одиссее» Гомера. Одиссей 10 лет воевал в троянской войне, а потом 10 лет не мог вернуться.

С одной стороны, Пенелопа – удерживающая, контролирующая. Но в поэме главный её эпитет – разумная.

«Пенелопа» – название утки с переходным оперением. Отец бросил её в воду, но её спасла утка. Есть версия, что её мать была наяда, – она непотопляемая. Мать даёт ей напутствие: «Вода не препятствует, она течёт, но она камень точит. Куда не пойдёшь ты, пойдёт вода».

Непотопляемая – не тонет в слезах депрессии, хотя много плачет.

Утки «пенелопы» создают постоянную пару. С самого начала Пенелопа была ориентирована следовать за мужем и сохранять пару.

Очень важно, когда у клиента появляется образ внутренней пары, на которую он может опереться. Пару должно что-то связывать – общее или комплементарное. Во многом Пенелопа похожа на Одиссея – и в деятельности, и в хитрости.

Сердцевина Пенелопы – способность ждать его 20 лет. Как на это реагируют другие члены семьи? Мать тонет, отец аутизируется, сын хочет похоронить, – это другие её части.

112 женихов, которые к ней пришли, вывели её из пассивного ожидания. Здесь её хитрость: выйдет замуж, когда соткёт саванЛаэрту-отцу. 3 года она днём ткала, а ночью распускала. Это и для мужа: днём рвёт с ним связь, ночью восстанавливает.

Результатом работы горя является удерживание связи с объектом при его отсутствии. Это так и с клиентами – и при их реальном отсутствии, и при отсутствии при наличии его на сессии. Грин – работа горя, когда объект интернализуется.

В работе ожидания есть двойная работа – разрушение и восстановление связей, созидание новых смыслов и их изменение, восстановление недостающего звена. Этим устанавливаются связи во внутреннем пространстве, например, какие могут быть события в жизни отсутствующего клиента. Это ожидание, что вернётся что-то новое, не то, что ушло. Это очень важно – быть готовым принять изменённое. Возвращаясь, клиенты переполнены чувствами, которые надо принять. Особенно чувство вины, в результате которого клиент может начать обвинять аналитика.

Одиссей не сразу возвращается к Пенелопе – он останавливается на окраине острова и идёт неузнанным «на разведку». Это может быть и помощью Пенелопы ему по возвращению в роль мужа, как аналитик может помочь клиенту вернуться.

Мать тоже может ждать, как в фильме «Питер Пэн» – это история невозвращения.

Татьяна Ребеко

«Пенитенциарная мифология: наказания и пытки»

(Лекция)

Насколько присутствуют муки и пытки в терапии и насколько они необходимы.

Того, кого пытали, называли пациентом.

Исторический путь пыток и наказаний.

Изначально пытка – часть инициации.

Наказание в мифах: флейта и Марсий, Актеон.

В средневековье сама жизнь являлась пыткой – пытки тела считались спасением души.

Пытка – любая процедура, причиняющая боль, независимо от того, чем кончится.

Официально, по закону запрещены около ста лет назад.

В Средние века повешение – и пытка, и наказание. Это позорная казнь. Могли подвешивать за разные части тела.

Распятие впервые описывается у финикийцев. Позорная смерть для изменников и злодеев: «Проклят всяк, висящий на древе».

Далее шло бесконечное перечисление способов пыток и казней безкакого бы то ни было их анализа, хотя можно было бы их сразу привязать к стадиям развития коллективного сознания, то есть поместить в психоисторический контекст. Я с этого места ушла с лекции.

Виктория Бочина, Лидия Чигарькова

**«От крыльев к кресту. Алхимические операции воздуха и земли в терапии»
(Воркшоп)**

В основе воркшопа – Эдингер «Алхимия души».

Схема алхимической операции – голограмма с множественными связями операций друг с другом. Две из них – сублимация и коагуляция.

Начальные кадры фильма «Андрей Рублёв» Тарковского с воздушным шаром и последующим падением.

Очень похоже на историю Икара: операция сублимации – захваченность идеей, отрыв от земли, от реальности и превращение в пассивного зрителя, невозможность повлиять на течение процесса.

Под действием нагревания вещество испарялось – как видение белой взлетающей птицы – полёт духа. С этого начинается процесс совершенствования камня. Умение забраться наверх и видеть ситуацию сверху, со стороны – это способность к диссоциации.

У современных людей слишком много сублимации, и они нуждаются в коагуляции. Это энантиодромия в виде столкновения с землёй. Подъём и спуск необходимы в равной степени.

Коагуляция – из жидкого в твёрдое, при выпаривании раствора, например.

В алхимическом рецепте в коагуляции присутствует дух Меркурий и некие вещества, способствующие отвердению (сурьма, свинец). Они связаны с повседневностью, ограниченностью. Эта связь со свинцом-Сатурном происходит при принятии на себя ответственности за совершаемые поступки. Коагуляцию продвигает желание – благодаря ей душа спускается на землю и обретает плоть^[4]. Как Адам и Ева, съев плод, обретают тело и отдельное от Бога существование.

Есть клиенты, у которых нет желания. Тогда идёт поиск этих желаний – это помощь клиенту в его реальном воплощении.

Но наличие желаний может привести к конфликту и страданию. Тень может быть таким коагулирующим свинцом. То есть существует плата за воплощение, связанная с виной, по Эдингеру.

Воплощению служат ограничения – хомут судьбы, то, что от нас не зависит.

Архетип должен быть воплощён, тогда с ним можно иметь дело.

^[1] Monstrum (monere) – знамение, указание богов. Monstratus – отличающийся, замечательный. Monstruose – необыкновенным образом, странно. Monitum (monere) – увещание, напоминание, предупреждение; предостережение, предзнаменование, предсказание (Латино-русский словарь. – Ростов-н/Д: изд-во «Феникс», 2001. – 704 с. С. 331-332).

^[2] Mens (mentis) – разум, ум, мысль; намерение, план (там же, с. 322).

^[3] Юнг в «Психологических типах»: конкретность от латинского concretio – слитность, сгущение, срастание, то есть передаёт смешение, срастание объекта с проекцией на него психического имаго.

^[4] В ведической литературе это три гуны («верёвки»), привязывающие бессмертную душу-дживу к земному существованию-майе: благодать (добродетель), страсть и невежество.